

U 25
Ka 24

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ.

Кл $\frac{25}{24}$

Н. ЛЕНИН.

ДВЕ РЕЧИ НА 1-м ВСЕРОССИЙСКОМ С'ЕЗДЕ ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

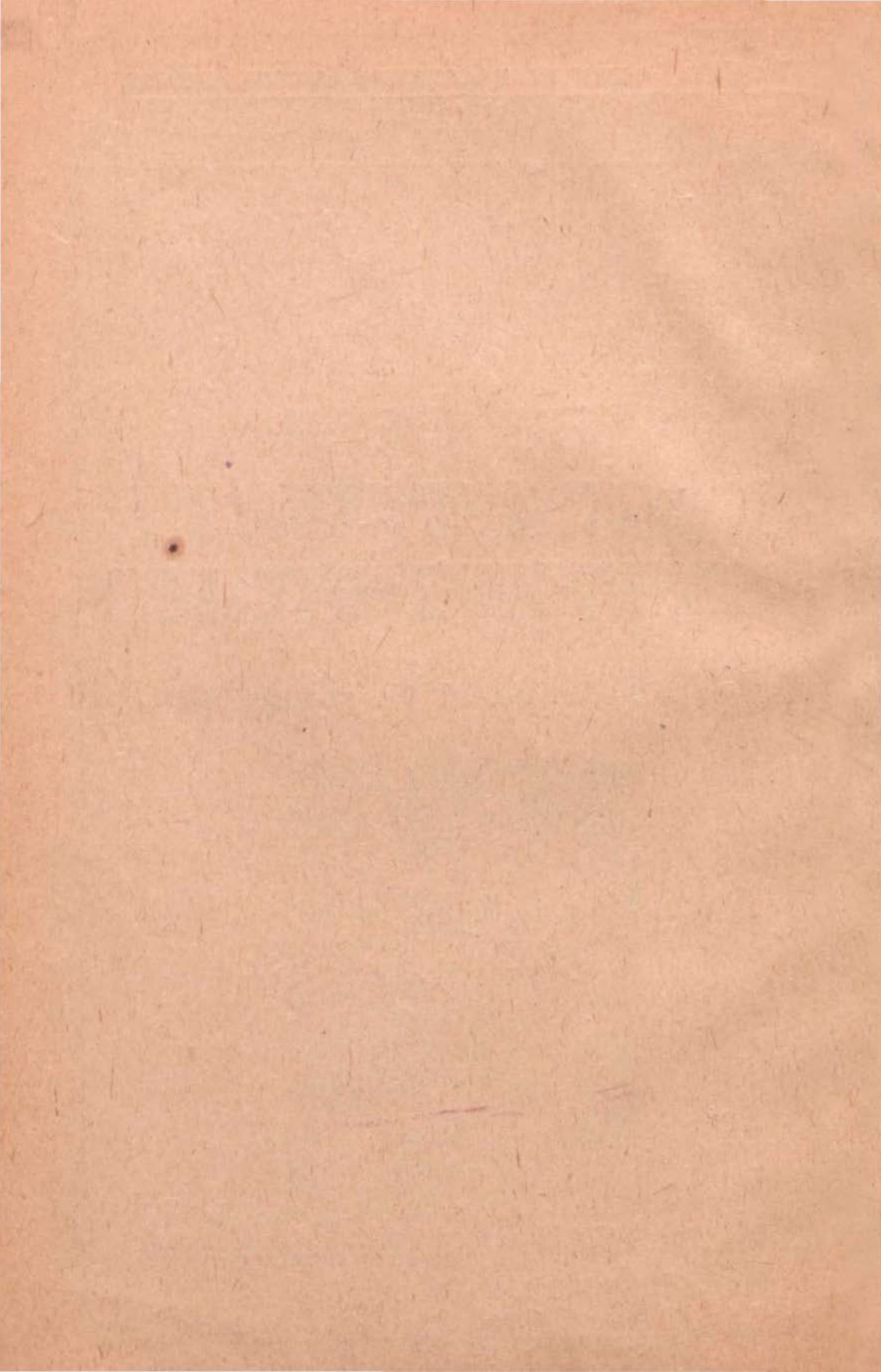
(6—19 мая 1919 года).

Цена 2 р. 50 к.

Государственное Издательство.

Москва.—1919.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ.

Кл 25
24

Н. ЛЕНИН.

ДВЕ РЕЧИ
НА 1-м ВСЕРОССИЙСКОМ С'ЕЗДЕ
ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

(6—19 мая 1919 года).

5153-63

2011121963

Литография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1919.

Приветственная речь тов. В. И. Ленина на I-м Всероссийском Съезде по внешкольному образованию.

Товарищи, я очень рад приветствовать Съезд по внешкольному образованию. Конечно, вы не ждете от меня речи, которая бы могла входить в существо дела, как это делал осведомленный и специально занимающийся вопросом предыдущий оратор, тов. Луначарский. Мне позвольте ограничиться только несколькими словами приветствия и небольшими наблюдениями и размышлениями, которые мне приходилось делать, когда в Совете Народных Комиссаров доводилось соприкасаться сколько нибудь близко с непосредственной вашей работой. Я уверен, что едва ли найдется такая область советской деятельности, как внешкольное образование и просвещение, где бы за полтора года были достигнуты столь громадные успехи. Несомненно, что в этой области работать нам и вам было легче, чем в других областях. Здесь нам приходилось отбросить старые рогадки и старые препятствия. Здесь было легче пойти навстречу той громадной потребности в знании, в свободном образовании, в свободном развитии, которая больше всего сказалась для рабочих и крестьянских масс, ибо если нам легко было, благодаря могучему напору масс, скинуть те внешние препятствия, которые стояли на их пути, сломить исторические буржуазные учреждения, которые привязывали нас к империалистической войне и осуждали Россию на самые большие тягости, следующие из этой войны, если нам легко было сломить внешние препятствия, то зато нам пришлось с тем большей остротой чувствовать всю тяжесть работы в деле перевоспитания масс, в деле организации и обучения, в деле распространения знаний, в деле борьбы с тем наследием темноты и некультурности, дикости и одичалости, которая нам досталась. Здесь борьбу приходилось вести совсем иными методами. Здесь приходилось рассчитывать только на длительный успех и упорное систематическое воздействие передовых слоев населения, на воздействие, которое встречает со стороны масс самый радужный прием и мы часто оказываемся виноватыми в том, что даем меньше, чем могли бы дать. Мне сдается, что в этих первых шагах, в деле распространения внешкольного образования, свободного, не связанного старыми рамками и условностями образования, которому идет навстречу взрослое население, что в этой области первое время больше всего бороться нам приходилось с двоякого рода препятствиями. Оба препятствия мы унаследовали от старого, капиталистического общества, которое до сих пор держит нас, тянет нас и низу тысячами и миллионами нитей, канатов и цепей.

Первый недостаток—это обилие выходцев из буржуазной интеллигенции, которая сплась и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по новому, рассматривала как самое удобное поприще для их личных выдумок в области философии или области культуры, когда сплась и рядом самое новейшее кривляние выдавалось за не то и не иное и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры приносилось нечто сверхестественное и несуразное (аплодисменты). Но в первое время это было естественно и может быть простиительно и не может быть поставлено в вину широкому движению, и я надеюсь, что мы все-таки в конце концов из этого вылезаем и вылезем. Второй недостаток—это тоже наследие капитализма. Широкие массы мелких буржуазных трудящихся, стремясь к знанию, лаская старое, ничего организующего, ничего организованного внести не могли. Мне приходилось наблюдать, когда в Совете Народных Комиссаров ставился вопрос о мобилизации грамотных и об отделе библиотечном, и из этих небольших наблюдений я делал свои выводы относительно того, как плохо обстоит дело по этой части. Конечно, в приветственных речах не очень принято говорить о том, что бывает плохого. Я надеюсь, что вы от этих условностей будете свободны и не посетуете на меня, если я своими несколько печальными наблюдениями поделюсь с вами. Когда мы ставили вопрос о мобилизации грамотных, то больше всего бросалось в глаза то, что у нас революция одержала блестящий успех, не выходя сразу из рамок буржуазной революции. Она давала свободу развития различным силам и эти различные силы—мелкобуржуазные, с тем же лозунгом—«каждый за себя, а Бог за всех», с тем же самым капиталистическим проклятым лозунгом, который никогда ни к чему другому, как и Колчаку и к старой буржуазной реставрации не ведет. Когда посмотрим что делается у нас в области обучения неграмотных, то в этом отношении, я думаю, что сделано очень мало и наша общая задача здесь—понять, что необходима организованность пролетарских элементов. Дело не в смешных фразах, которые остаются на бумаге, а в тех насущных мерах, которые необходимо народу сейчас дать, которые всякого грамотного человека заставили бы смотреть, как на свою обязанность, на необходимость обучения нескольких неграмотных. Это у нас в декрете провозглашено. В этой области однако почти ничего не сделано. Когда я соприкасался в Совете Народных Комиссаров с другим вопросом, с вопросом библиотечным,—я говорил: те жалобы, которые постоянно слышались—виновата наша производственная отсталость, у нас мало книг и мы не можем произвести их в достаточном количестве,—я говорю себе—это правда. Конечно, у нас топлива нет, фабрики стоят, бумаги мало и книг получить не можем. Это все правильно, но кроме того правильно то, что мы не можем взять книжки, которая у нас есть. Мы продолжаем страдать в этом отношении от мужичьей наивности и мужичьей беспомощности, когда мужик, ограбивший барскую библиотеку, бежал к себе и боялся, как-бы кто-нибудь у него не отнял, ибо мысль о том, что может быть правильное распределение, что казна не есть нечто ненавистное, что казна—это есть общее достояние рабочих и трудящихся, этого сознания у него быть еще не могло. Неразвитая крестьянская масса в этом не виновата, и с точки зрения развития революции это совершенно закономерно,—это неизбежная стадия, и когда крестьянин брал к себе библиотеку и держал у себя тайно от других, он не мог поступать иначе, ибо он не понимал, что можно соединить библиотеки России воедино, что книг будет достаточно, чтобы грамотного напоить и без-

грамотного научить. Сейчас необходимо бороться с остатками дезорганизации, с хаосами, со смешными ведомственными спорами. Это должно составить нашу главную задачу. Мы должны взяться за простое, насущное дело мобилизации грамотных и борьбы с неграмотностью. Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогут бы народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку, не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию. В этом малом деле отражается основная задача нашей революции. Если она этой задачи не решит, если она не выйдет на дорогу создания действительно планомерной единой организации, вместо Российского бестолкового хаоса и пестроты, — тогда эта революция останется революцией буржуазной, ибо основная особенность пролетарской революции, идущей к коммунизму, в том и состоит, что буржуазии было достаточно сломать старое и предоставить свободу крестьянскому хозяйству, которое воспроизводило тот же капитализм, как и во всех революциях прежнего времени.

Если мы называемся партией коммунистов, мы должны понять, что только теперь, когда мы покончили со внешними препятствиями, сломали старые учреждения, пред нами впервые настоящим образом и во весь рост встала первая задача настоящей пролетарской революции, — организация десятков и сотен миллионов людей. После полутрагического опыта в этой области, который мы все пережили, мы должны, наконец, встать на правильный путь, который бы победил ту некультурность и ту темноту и дикость, от которой нам приходилось все время страдать.

Предисловие.

Вопрос, который я разбирал в своей речи 19-го мая, на съезде по внешкольному образованию, именно вопрос о равенстве вообще и о равенстве рабочего и крестьянина в особенности, есть, несомненно, один из самых острых и «больных» вопросов современности, затрагивающий наиболее закоренелые предразсудки мелкого буржуа, мелкого хозяйчика, мелкого товаровладельца, всякого обывателя и девяти десятых интеллигенции (в том числе меньшевистской и эсеровской интеллигенции).

Отрицание равенства рабочего с крестьянином! Подумать только какая чудовищная вещь! Конечно, за нее постараются ухватиться все друзья капиталистов, все прихвостни их, а меньшевики и эсеры в первую голову, чтобы «поддразнить» крестьянина, «разжечь» его, натравить на рабочих, на коммунистов. Такие попытки неизбежны, но так как они основаны на лжи, то позорный провал их обеспечен.

Крестьяне—резвые деловые люди, люди практической жизни. Им надо разъяснять дело практически, на простых, житейских примерах. Справедливо-ли, чтобы крестьянин, имеющий излишек хлеба, прятал этот излишек, дожидаясь повышения цены до спекулятивной, бешеной высоты и не считаясь с голодными рабочими? Или справедливо, что государственная власть, которую держат в руках рабочие, брала все излишки хлеба не по спекулятивной, не по торгашеской, не по грабительской цене, а по твердой цене, установленной государством?

Вопрос стоит именно так. В этом вся суть. От этой сути дела хотят «отболтаться» всякими фразами о «равенстве» и о «единстве трудовой демократии» всякие обманщики, работающие, подобно меньшевикам и эсерам, на пользу капиталистов, на пользу возвращения всевластия капиталистов.

Крестьянин должен выбирать:

за свободную торговлю хлебом,—это значит за спекуляцию хлебом, это значит за свободу наживаться богатым, за свободу разоряться и голодать бедным, это значит, за возвращение всевластия помещиков и капиталистов, за разрыв союза крестьян с рабочими;

или за сдачу излишков хлеба по твердой цене государству, т. е. объединенной рабочей власти, это значит за союз крестьян с рабочими для полного уничтожения буржуазии, для устранения всякой возможности восстановления ее власти.

Так стоит выбор.

Богатенькие крестьяне, кулаки, выберут первое, захотят попробовать счастья в союзе с капиталистами и помещиками, против рабочих, против бедноты, но таких крестьян в России будет меньшинство. А большинство крестьян пойдет за союз с рабочими против восстановления власти капиталистов, против «свободы наживаться богачу», против «свободы голодать бедняку», против того, чтобы обманно прикрывать эту проклятую капиталистическую «свободу» (свободу голодной смерти) пышными словами о «равенстве» (о равенстве сытого, имеющего излишки хлеба, с голодным).

Наша задача—борьба с хитрым капиталистическим обманом, который проводят меньшевики и эсеры посредством звонких и пышных словечек о «свободе» и «равенстве».

Крестьяне! срывайте личину с тех волков в овечьей шкуре, которые поют сладенькие песни о «свободе», «равенстве», о «единстве трудовой демократии», а на деле защищают этим «свободу» помещика угнетать крестьян, «равенство» богача капиталиста с рабочим или с полуголодным крестьянином, «равенство» сытого человека, прячущего излишек хлеба, с рабочим, которого мучит голод и безработица из-за разорения страны войной. Такие волки в овечьей шкуре—худшие враги трудящихся, они на деле, хотя бы и звались меньшевиками, эсерами или беспартийными, друзья капиталистов.

«Рабочий и крестьянин равны как труженики, но сытый спекулирует хлебом не равен голодному труженику». «Мы боремся только отстаивая интересы труда, беря хлеб у спекулянта, а не у труженика». Мы идем на соглашение с середняком крестьянином, с крестьянином—тружеником—вот что я заявил в своей речи, вот в чем *суть* дела, вот какова настоящая правда, запутываемая звонкими фразами о «равенстве». И громадное большинство крестьян знает, что это правда, что *рабочее государство* борется с спекулянтами и с богачами, всячески помогая трудящимся и бедным,—тогда как и *помещичье государство* (при царе) и *капиталистическое государство* (при самой свободной и демократической республике) всегда и везде, во всех странах, *помогают богачам грабить тружеников, помогают спекулянтам и богачам наживаться на счет разоряющихся бедняков.*

Эту правду знает всякий крестьянин. И поэтому большинство крестьян, чем они будут сознательнее, тем скорее и тверже сделают свой выбор: за союз с рабочими, за соглашение с рабочим правительством, против государства помещичьего или капиталистического; за советскую власть против «учредительного собрания» или «демократической республики»; за соглашение с большевиками коммунистами, против поддержки капиталистов, меньшевиков и эсеров!

* * *

А господам «образованным», демократам, социалистам, социал-демократам, социалистам-революционерам и т. п., мы скажем: на

словах вы все признаете «классовую борьбу», на деле вы забываете о ней как раз тогда, когда она особенно обостряется. Забывать же о ней значит переходить на сторону капитала, на сторону буржуазии, против трудящихся.

Кто признает классовую борьбу, тот должен признать, что в буржуазной республике, хотя бы самой свободной и самой демократической, «свобода» и «равенство» не могли быть и никогда не были ничем иным как выражением равенства и свободы *товаровладельцев*, равенства и свободы *капитала*. Маркс тысячи раз, во всех своих произведениях и особенно в своем «Капитале» (который вы все на словах признаете) разъяснял это, издевался над абстрактным пониманием «свободы и равенства», над пошляками Бенлами, не видящими этого, вскрывал материальные корни этих абстракций.

«Свобода и равенство» в буржуазном строе (т. е. пока держится частная собственность на землю и на средства производства) и в буржуазной демократии остаются только формальными, означая на деле *наемное рабство* рабочих (формально свободных, формально равноправных) и *всевластие капитала*, гнет капитала над трудом. Это — азбука социализма, господа «образованные», и вы эту азбуку забыли.

Из этой азбуки следует, что во время пролетарской революции, когда классовая борьба обострилась до гражданской войны, только дурачки и предатели могут отделяться фразами о «свободе», «равенстве», «единстве трудовой демократии». На деле все решает исход борьбы пролетариата с буржуазией, а промежуточные, средние классы (в том числе вся мелкая буржуазия, а значит и все «крестьянство») неизбежно колеблются между тем и другим лагерем.

Речь идет о присоединении этих промежуточных слоев к одной из главных сил, к пролетариату или к буржуазии. Ничего иного быть не может: кто не понял этого, читая «Капитал» Маркса, тот ничего не понял у Маркса, ничего не понял в социализме, тот на деле филистер и мещанин, слепо плетущийся за буржуазией. А кто понял это, тот не даст себя обмануть фразами о «свободе» и «равенстве», тот будет думать и говорить о *деле*, то есть о конкретных условиях *сближения* крестьян с рабочими, *союза* их против капиталистов, *соглашения* их против эксплуататоров, богачей и спекулянтов.

Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах. Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии. Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся и многочисленными не пролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала,

союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это—особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно, классами. Отделываться от изучения конкретных форм, условий, задач этого союза посредством общих фраз о «свободе», «равенстве», «единстве трудовой демократии», т. е. посредством обрывков из идейного багажа эпохи товарного хозяйства, могут только гнилые герои гнилого «бернского» или желтого Интернационала, вроде Каутского, Мартова и К-о.

Н. Ленин.

23 июня 1919 года.

Об обмане народа лозунгами свободы и равенства.

(Речь на съезде по внешкольному образованию).

Товарищи, позвольте мне вместо оценки текущего момента, которой, кажется, некоторые из вас на сегодня ожидали, дать ответ на наиболее существенные политические вопросы, конечно, не только теоретические, но и практические, которые сейчас перед нами становятся, которые характеризуют весь этап советской революции и которые вызывают больше всего споров, больше всего нападок со стороны людей, считающих себя социалистами, больше всего недоумения со стороны людей, которые считают себя демократами и особенно охотно и особенно широко распространяют обвинения против нас за нарушение нами демократизма. Мне кажется, что эти общие политические вопросы слишком часто, даже постоянно встречаются во всей теперешней пропаганде, агитации, во всей литературе, враждебной большевизму, — если, конечно, эта литература хоть чуточку поднимается над уровнем простой лжи, клеветы и брани, какой характер носит она во всех органах буржуазии. Если мы возьмем литературу, хоть чуточку поднимающуюся над этим, то, я думаю, что основные вопросы об отношении демократии к диктатуре, о задачах революционного класса в революционный период, о задачах перехода к социализму вообще, об отношениях рабочего класса и крестьянства, мне думается, что эти вопросы составляют самую существенную основу всех современных политических дебатов и выяснение их, хотя может быть иногда и покажется вам несколько отходящим от непосредственной злобы дня, — выяснение их, я думаю, тем не менее должно составлять нашу общую главную задачу. Конечно, в коротком реферате я не могу никоим образом претендовать на то, чтобы охватить все эти вопросы. Я выбрал некоторые из них и о некоторых из этих вопросов и хотел бы побеседовать.

I.

Первый из намеченных мною вопросов это — вопрос о трудностях всякой революции, всякого перехода к новому строю. Если вы присмотритесь к тем нападкам, которые сыпятся на большевиков со стороны людей, считающих себя социалистами и демократами, — как образец этих людей я могу взять литературные группы «Всегда Вперед» и «Дело Народа», — газеты, закрытые, по моему, по всей справедливости и в интересах революции, газеты, представители которых

чаще всего в своих нападках, носящих слишком естественный характер, со стороны органов, которые наша власть признает контр-революционными, чаще всего прибегают к теоретической критике,—если вы присмотритесь к тем нападкам, которые несутся на большевизм из этого лагеря, то вы увидите, что в числе обвинений сплошь и рядом фигурирует такое: «большевики вам, трудящиеся, обещали хлеб, мир и свободу; они не дали ни хлеба, ни мира, ни свободы, они вас обманули и обманули тем, что отступили от демократии». Насчет отступления от демократии будет речь особо. Я сейчас возьму другую сторону в этом обвинении: большевики обещали хлеб, мир и свободу, большевики дали на самом деле продолжение войны, дали особенно жестокую и особенно упорную борьбу, войну всех империалистов, капиталистов всех стран согласия, всех, значит, наиболее цивилизованных и передовых стран против измученной, истерзанной, отсталой, усталой России. Эти обвинения, повторяю, вы видите в каждой из названных газет, в каждом разговоре буржуазного интеллигента, который, конечно, мнит себя не буржуазным,—вы это услышите постоянно в каждой обывательской речи. Вот я приглашаю вас подумать над подобного рода обвинениями.

Да, большевики шли на революцию против буржуазии, на насильственное ниспровержение буржуазного правительства, на разрыв со всеми традиционными привычками, обещаниями, заветами буржуазной демократии, на самую отчаянную, насильственную борьбу и войну ради подавления угнетенных классов,—шли из за того, чтобы вырвать Россию, а затем и все человечество, из империалистической бойни и чтобы положить конец всем войнам. Да, большевики шли на революцию за это и, конечно, никогда от этой основной, главной своей задачи они не думали отrekаться. И так же несомненно, что попытки выйти из этой империалистической бойни, сломить господство буржуазии, что эти попытки навлекли на Россию поход всех цивилизованных государств. Ибо такова политическая программа Франции, Англии и Америки, как бы они ни уверяли, что они отказываются от интервенции. Как бы ни уверяли в этом Ллойд-Джорджи, Вильсоны и Клемансо, как бы они ни уверяли, что отказываются от интервенции, но мы все знаем, что это ложь. Мы знаем, что ушедшие и вынужденные уйти из Одессы и Севастополя военные суда союзников блокируют побережье Черного моря и даже обстреливают около Керчи ту часть Крымского полуострова, где засели добровольцы. Они говорят: «этого мы вам отдать не можем. Если с вами добровольцы не сладят, мы все же отдать этой части Крымского полуострова не можем, потому что вы будете господами над Азовским морем, отрежете нам путь к Деникину, не дадите возможности снабжать наших друзей» Или разворачивается наступление на Петроград: вчера был бой нашего миноносца с четырьмя миноносцами противника. Разве не ясно, что это интервенция, разве не английский флот участвует здесь? Разве не то же самое происходит в Архангельске, в Сибири? Факт таков: весь цивилизованный мир идет сейчас против России.

Спрашивается, впади-ли мы в противоречие с собой, когда звали трудящихся на революцию, обещав им мир, а привели к походу всего цивилизованного мира против слабой, усталой, отсталой, разбитой России, или впади в противоречие с элементарными понятиями демократии и социализма те, кто имеет наглость бросать нам подобный упрек? Вот вопрос. Чтобы вам поставить этот вопрос в теоретической, общей, форме, я приведу сравнение. Мы говорим о революционном

классе, о революционной политике народа, я предлагаю вам взять отдельного революционера. Взьмем хотя бы Чернышевского, оценим его деятельность. Как ее может оценить человек, совершенно невежественный и темный? Он вероятно скажет: «ну что же, разбил человек себе жизнь, попал в Сибирь, ничего не добился». Вот вам образец. Если мы подобный отзыв услышим неизвестно от кого, то мы скажем: «в лучшем случае он исходит от человека безнадежно темного, невинного может быть в том, что он так забит, что не может понять значения деятельности отдельного революционера в связи с общей цепью революционных событий, либо этот отзыв исходит от мерзавца, сторонника реакции, который сознательно хочет спугнуть трудящихся от революции». Я взял пример Чернышевского, потому что к какому бы направлению ни принадлежали люди, называющие себя социалистами, здесь в оценке этого индивидуального революционера расхождения по существу быть не может. Все согласится, что если оценивать отдельного революционера с точки зрения тех жертв, внешне бесполезных, часто бесплодных, которые он принес, оставляя в стороне содержание его деятельности и связь его деятельности с предыдущими и последующими революционерами, если оценивать так значение его деятельности, — это либо темнота или невежество безисходное, либо злостная, лицемерная защита интересов реакции угнетения, эксплуатации и классового гнета. На этот счет разногласий быть не может.

Я вас приглашаю теперь перейти от отдельного революционера к революции целого народа, целой страны. А разве кто либо когда либо из большевиков отрицал, что революция может в окончательной форме победить лишь тогда, когда она охватит все или, по крайней мере некоторые из наиболее существенных передовых стран? Это мы говорили всегда. Разве мы утверждали, что выход из империалистской войны возможен простым втыканием штыков в землю? Я нарочно беру именно то выражение, которое мы в эпоху Керенского и я лично и все наши товарищи употребляли постоянно в революциях, в речах, и в газетах. Мы говорили: войну нельзя кончить втыканием штыков в землю; если есть толстошцы, которые так думают, надо пожалеть о людях свихнувшихся, — что же, с них ничего не возьмешь.

Мы говорили, что выход из этой войны может означать революционную войну. Это мы говорили с 1915 года и потом в эпоху Керенского. И, конечно, революционная война это — тоже война, такая же тяжелая, кровавая и мучительная вещь. А когда она становится революцией в мировом масштабе, она неизбежно вызывает отпор в таком же мировом масштабе. И поэтому, когда мы теперь стоим в положении что на Россию идут в поход все цивилизованные страны мира, мы можем не удивляться, если нам за это бросают обвинение в нарушении наших обещаний совсем темные мужички: мы скажем, — с них нечего брать. Полная темнота, крайнее невежество их не позволяет обвинять их. Где же, в самом деле, от темного совершенно крестьянина требовать понимания того, что есть война и война, что бывает войны справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные, войны передовых классов и войны отсталых классов, войны, служащие закреплению классового гнета, и войны, служащие его свержению? Для этого надо быть знакомым с классовой борьбой, с основами социализма, чуточку хотя бы с историей революции. Мы от темного крестьянина этого требовать не можем.

Но если человек, который называет себя демократом, социалистом, который идет на трибуну выступать публично, независимо от

того, как он называет себя—меньшевиком, социал-демократом, с-ром, истинным социалистом, сторонником Бернского интернационала,—много есть всяких кличек, клички дешевы,—если такой субъект бросает нам обвинение: вы обещали мир и вызвали войну, то что ему ответить? Можно ли предположить, что он дошел до такой степени темноты, как невежественный крестьянин, что не может отличить войну и войну? Можно ли допустить, что он не понимает разницы между войной империалистической, которая была грабительской войной и теперь разоблачена до конца—после Версальского мира, только совершенно неумеющие разсуждать и думать или совершенно слепые, могут не видеть, что она была грабительской с обеих сторон—можно ли допустить, что есть хоть один грамотный человек, который не понимает разницы между той войной, войной грабительской и нашей войной, которая потому приобретает мировой масштаб, что мировая буржуазия поняла, что против нее идет решительный бой? Допустить всего этого мы не можем. И поэтому мы говорим: всякий, кто претендует на звание демократа или социалиста каких угодно оттенков и так или иначе, прямо или косвенно, пускает в народ обвинения в том, что большевики затягивают гражданскую войну, войну тяжелую, войну мучительную, тогда как они обещали мир,—это сторонник буржуазии, и мы будем ему отвечать так, и будем становиться друг против друга так же, как с Колчаком, вот наш ответ. Вот в чем дело.

Господа из «Дела Народа» удивляются: «но ведь мы же против Колчака; какая вопиющая несправедливость, что нас преследуют».

Очень жаль, господа, что вы не хотите связать концов с концами и не хотите понимать той простейшей политической азбуки, из которой вытекают определенные выводы. Вы уверяете, что вы против Колчака. Я беру газеты «Восход Вперед» и «Дело Народа», беру все обывательские разсуждения подобного типа, эти настроения, которых масса в интеллигенции, они преобладают в интеллигенции. Я говорю: всякий из вас, который пускает в народ обвинения такого рода,—это есть колчаковец, потому что он не понимает той элементарной, основной, всякому грамотному человеку понятной разницы между войной империалистической, которую мы разбили, и войной гражданской, которую мы навлекли на себя. Никогда мы не скрывали от народа, что мы на этот риск идём. Мы напрягаем все силы для того, чтобы в этой гражданской войне победить буржуазию, и подорвать в корне возможность классового гнета. Нет, не бывало и не может быть революции, которая была бы гарантирована от борьбы долгой, тяжелой и может быть полной самых отчаянных жертв. Те, кто не умеет отличить жертв приносимых в ходе революционной борьбы, ради ее победы, когда все имущие, все контр-революционные классы борются против революции, те, кто не умеет отличить эти жертвы от жертв грабительской эксплуататорской войны,—тот является представителем самой крайней темноты,—и про него нужно сказать: его нужно посадить за азбуку, и прежде внешкольного образования подвергнуть его низшему школьному, либо это—представитель самого злостного колчаковского лицемерия, как бы он ни назывался, под какими бы кличками ни прятался. А эти обвинения большевиков—это самые обычные и «ходкие» обвинения. Эти обвинения действительно связаны с широкими трудящимися массами, ибо темному крестьянину понять это трудно. Он одинаково страдает от войны, ради чего эта война ни велась бы. Меня не удивляет, если я слышу среди темного крестьянства такие отзывы: «на царя воевали, на меньшевиков отвоевали, а теперь еще на большевиков воевать будем». Там меня это не

удивляет. Действительно, война есть война, несет с собою тяжелые жертвы без конца. «Говорил царь, что это для свободы и освобождения от ига, говорили меньшевики, что для свободы и освобождения от ига, говорят большевики. Все говорят, где же нам разобратся!»

Действительно, темному крестьянину, пожалуй, где же ему разобратся. Такому человеку надо еще учиться элементарной политической грамоте. Но что можно сказать про человека, который обращается с словами «революция», демократия, социализм, который претендует на то, чтобы эти слова употреблять, их понимая. Он жонглировать подобными понятиями не может, если не хочет превратиться в политического мошенника, ибо разница между войной двух групп хищников и войной, которую ведет угнетенный класс, который восстал против всякого хищничества, это есть элементарная, коренная и основная разница. Дело не в том, что та или иная партия, тот или иной класс, то или иное правительство войну оправдывали, а дело в том, каково содержание этой войны, каково ее классовое содержание, какой класс ведет войну, какая политика воплощается в войне.

II

От вопроса об оценке того тяжелого и трудного периода, который мы сейчас переживаем и который неизбежно связан с революцией, я перейду к другому политическому вопросу, который тоже сплошь и рядом выплывает во всех прениях и во всех недоумениях,—это вопрос о блоке с империалистами, о союзе, соглашении с империалистами.

Вы в газетах вероятно встречали имена социалистов-революционеров Вольского и, кажется, второго—Святыцкого, которые писали в последнее время и в «Известиях», которые выступили со своим манифестом, которые считают себя уж как раз такими соц.-революционерами, которых в колчаковщине обвинить нельзя: они от Колчака ушли, они от Колчака пострадали, они, уйдя к нам, оказали нам услугу против Колчака. Это правда. Но присмотритесь к рассуждениям этих граждан, присмотритесь к тому, как они оценивают вопрос о блоке с империалистами, о союзе или соглашении с империалистами. Мне довелось ознакомиться с их рассуждениями тогда, когда их писания были отобраны нашей властью, борющейся с контр-революцией, и когда приходилось знакомиться с их документами, чтобы как следует оценить их прикосновенность к колчаковщине. Это несомненно лучшие из с.-ровской публики. И в их рассуждениях я встречал рассуждения такого рода: «позвольте, от нас ждут раскаяния, что мы будем каяться. Ни в чем, никогда. Нам каяться не в чем. Нас обвиняют в том, что мы были в блоке, в соглашении с Антантой, с империалистами. А вы, большевики, разве вы не были в соглашении с немецкими империалистами? А что такое Брест? А разве Брест не есть соглашение с империализмом? Вы соглашались с империализмом немецким в Бресте, мы соглашались с империализмом французским,—мы квиты, нам каяться не в чем».

Это рассуждение, которое я нашел в писаниях названных мною лиц и их единомышленников, я встречаю, когда припоминаю названные мною газеты, когда пытаюсь подвести итог впечатлениям из обывательских разговоров. Это рассуждение вы встретите постоянно. Это одно из основных политических рассуждений, с которым приходится иметь дело. И вот, я приглашаю вас остановиться на разборе, анализе, теоретическом размышлении по поводу этого рассуждения. Каково

его значение? Правы ли те, кто говорит: мы, демократы, социалисты, были в блоке с Антантой, вы были в блоке с Вильгельмом, брестский мир заключали, — друг дружку нам попрекать нечем, мы квиты? Или мы правы, когда мы говорим, что те, кто показал себя не на словах, а делами в соглашении с Антантой против большевистской революции, те суть колчаковцы? Хотя бы они сто тысяч раз это отрицали, хотя бы они лично от Колчака ушли и заявили всему народу, что они против Колчака, они колчаковцы по своим основным корням, по всему содержанию и значению их рассуждений и их дел. Кто прав? Это основной вопрос революции и над ним надо подумать.

Чтобы этот вопрос выяснить, я позволю себе привести сравнение на этот раз не с индивидуальным революционером, а с индивидуальным обывателем. Представьте себе, что ваш автомобиль окружают бандиты и приставляют вам револьвер к виску. Представьте себе, что вы после этого отдаете бандитам деньги и оружие, предоставляя им уехать на этом автомобиле. В чем дело? Вы дали бандитам оружие и деньги. Это факт.

Представьте себе, что другой гражданин дал бандитам оружие и деньги, дабы участвовать в походе этих бандитов против мирных граждан. В обоих случаях есть соглашение. Записано оно или нет, сказано оно или нет, это не существенно. Можно себе представить, что человек отдает молча свой револьвер, свое оружие, и свои деньги. Ясно содержание соглашения. Он говорит бандитам: «я тебе дам револьвер, оружие и деньги, ты мне дашь возможность уйти от приятной близости с тобой» (смех); соглашение на лицо. Точно также возможно, что молчаливое соглашение заключается между человеком, который дает оружие и деньги бандитам для того, чтобы дать им возможность грабить других, и который потом получает частицу добычи. Это тоже молчаливое соглашение.

Я вас спрашиваю: найдите мне такого грамотного человека, который не сумел бы различить обоих соглашений. Вы скажете: это наверно кретин, если действительно найдется такой человек, который неспособен отличить то и другое соглашение и который говорит: «ты дал оружие и деньги бандитам, значит не обвиняй больше никого в бандитизме?» Если вы встретите такого грамотного, вы должны будете признать или во всяком случае 999 из 1000 признают, что он не в своем уме и что с таким человеком нельзя рассуждать не только на политические, но даже на уголовные темы.

Я вас приглашаю теперь от этого примера перейти к сравнению Брестского мира и соглашения с Антантой. Что такое был Брестский мир? Разве это не насилие бандитов, которые выступили против нас, тогда, когда мы честно предложили мир, предложив всем народам свергнуть свою буржуазию? — Смешно было бы, если бы мы начали со свержения немецкой буржуазии, — данный договор разоблачили перед всем миром, как самый грабительский и разбойнический, заклеили его и даже отказались сразу подписать этот мир, рассчитывая на содействие германских рабочих. Когда же насильники приставили револьвер к нашему виску, мы сказали: получите оружие, деньги, мы с вами потом расквитаемся, иными средствами. На немецкий империализм мы знаем другого врага, которого слепые люди не замечали, — немецких рабочих. Можно ли сравнивать это соглашение с империализмом, с тем соглашением, когда демократы, социалисты, социалисты-революционеры, — не шутите, чем крепче, тем звонче, — когда они соглашались с Антантой идти против части рабочих своей

страны? А ведь так стояло дело и так стоит до сих пор. Ведь влиятельнейшая часть европейски-известных меньшевиков и эсеров за границей и сейчас, и они сейчас соглашаются с Антантой. Подписано это или нет, я не знаю,—наверно не подписано,—умные люди такие вещи делают молча. Но ясно, что есть такое соглашение, когда их носят на руках, дают им паспорта, по всему свету через радиотелеграф рассылают сообщения о том, что сегодня выступил Аксельрод, завтра Савинков или Авксентьев, после завтра Бреншевская. Разве это не соглашение, хотя и молчаливое? И это такое же соглашение с империалистами, как и наше? Его внешний вид так похож на наше, как похож внешне акт человека, дающего ружье и деньги бандитам, на всякий акт подобного рода, независимо от его цели и характера, — во всяком случае независимо от того, для чего я даю бандитам деньги и оружие. Для того ли, чтобы от него избавиться, когда он на меня нападает и когда я поставлен в положение, что если я не дам ему револьвер, он меня убьет? Или я даю деньги и оружие бандитам, которые идут на грабеж, о чем я должен знать и в доходе от которого я участвую?

Я называю, конечно, это освобождением России от диктатуры насильников, я, разумеется, демократ, потому что поддерживаю всем известную Сибирскую или Архангельскую демократию, я берюсь, разумеется, за учредительное собрание. Не смейте подозревать меня в чемнибудь худом и, если я оказываю услугу бандитам, английским, французским, американским империалистам, то я это делаю ради интересов демократии, учредительного собрания, народовластия, единства трудовых классов населения и свержения насильников, узурпаторов, большевиков!

Цели, конечно, самые благородные. Но не слышали ли все, кто занимается политикой, что политика оценивается не по заявлениям, а по реальному классовому содержанию? Какому классу ты служишь? Если ты в соглашении с империалистами, участвуешь ты в империалистском бандитизме или нет?

Я в своем письме к американским рабочим указал между прочим на то, что американский революционный народ, когда он освободился в XVIII веке от Англии, когда он вел свою одну из первых и наиболее великих в истории человечества, действительно освободительных и одну из немногих в истории человечества действительно революционных войн, он, освобождающий себя, великий революционный американский народ, вступал в соглашения с бандитами испанского и французского империализма, который тогда имел колонии в самой Америке по соседству с этим народом. Они в союзе с этими бандитами били англичан и от них освободились. Были ли грамотные люди на свете, видели ли вы таких социалистов, соц.-революционеров, представителей демократии или, как они там еще называются, вплоть до меньшевиков,—видели ли вы когданибудь, чтобы они решились публично обвинить за это американский народ, сказать, что он нарушил принцип демократизма, свободы и т. д.? Такого чудака еще не родилось. А теперь, являются у нас подобные люди, которые называют себя такими кличками и даже претендуют на то, что они должны быть в одном интернационале и что это исключительно большевистское озорство,—известное дело, что большевики озорники,—если они устраивают свой коммунистический интернационал, не хотят идти в Бернский, хороший, старый, общий, единый Интернационал!

И находятся такие люди, которые говорят: «нам не в чем каяться!—Вы соглашались с Вильгельмом, мы соглашались с Антантой,—мы квиты!»

Я утверждаю, что эти люди, если они обладают элементарной политической грамотностью, то они колчаковцы, как бы они от этого лично ни отрекались, как бы лично ни претила им колчаковщина, как бы лично они от Колчака ни пострадали и хотя бы перешли на нашу сторону. Это колчаковцы, так как нельзя себе представить, что они не понимают разницы между вынужденным соглашением в борьбе с эксплуататорами, которое бывали вынуждены сплось и рядом во всей истории революции заключать эксплуатируемые классы, и между тем, что делали и делают влиятельнейшие из представителей наших, яко-бы демократов, представителей яко-бы «социалистической» интеллигенции, которые частью вступали вчера, а частью вступают сегодня в соглашение с бандитами и разбойниками международного империализма против *части*, — они так говорят, — против части трудящихся классов своей страны. Эти люди — колчаковцы — и с ними никакого иного отношения не допустимо, кроме того, которое у сознательных революционеров должно быть с колчаковцами.

III.

Я теперь перейду к следующему вопросу. Это вопрос об отношении к демократии вообще.

Мне уже приходилось указывать, что самым ходячим оправданием, самой ходячей защитой тех политических позиций, которые занимают демократы и социалисты против нас, является ссылка на демократию. Самым решительным представителем этой точки зрения в европейской литературе выступил, как вы, конечно, знаете, Каутский, идейный вождь 2-го Интернационала и до сих пор член Бернского Интернационала. «Большевики избрали метод, нарушающий демократию, большевики избрали метод диктатуры, поэтому их дело несправедливое», — так он говорит. Это довод тысячу и миллион раз фигурировал везде и постоянно во всей печати и в названных мною газетах. Его постоянно повторяет и вся интеллигенция, а иногда полусознательно повторяют в аргументации обыватели. «Демократия — это есть свобода, это есть равенство, это есть решение большинства; что может быть выше свободы, равенства, решения большинства! Если вы, большевики, от этого отступили, и даже имели при этом наглость открыто сказать, что вы выше и свободы и равенства и решения большинства, так тогда не удивляйтесь и не жалуйтесь, что мы вас называем узурпаторами, насильниками!»

Мы этому нисколько не удивляемся, потому что мы хотим больше всего ясности и рассчитываем только на то, чтобы передовая часть трудящихся действительно ясно сознавала свое положение. Да, мы говорили, и говорим все время в своей программе, в партийной программе, что мы себя в обман такими прекрасно звучащими лозунгами, как свобода, равенство и воля большинства, не дадим и что мы к тем, кто называет себя демократами, сторонниками чистой демократии, сторонниками последовательной демократии, прямо или косвенно противопоставляя ее диктатуре пролетариата, — что мы к ним относимся, как к пособникам Колчака.

Разбирайтесь, разбераться надо. Виноваты ли действительно чистые демократы, в том, что они пропевают чистую демократию, защищают ее против узурпаторов, или они виноваты в том, что они, оказываясь на стороне имущих классов, на стороне Колчака?

Разбираться начнем со свободы. Свобода, нечего говорить, для всякой революции, социалистической ли или демократической, это есть лозунг, который очень и очень существенен. А наша программа заявляет: свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, есть обман. И всякий из вас, кто читал Маркса, я думаю, даже всякий, кто читал хотя бы одно популярное изложение Маркса, знает, что большую часть своей жизни и своих литературных трудов и большую часть своих научных исследований Маркс посвятил как раз тому, что высмеивал свободу, равенство, волю большинства и всяких Бенгатов, которые это расписывали,—и доказательству того, что в подкладке этих фраз лежат интересы свободы товаровладельца, свободы капитала, которую он употребляет на то, чтобы угнетать трудящиеся массы.

Мы говорим всякому, кто в момент, когда дошло дело до свержения власти капитала во всем мире, или хотя бы в одной стране, кто в такой исторический момент, когда на первый план выступает борьба угнетенных трудящихся классов за полное свержение капитала, за полное уничтожение товарного производства, все, кто в такой политический момент обращается со словом «свобода» вообще, кто во имя этой свободы идет против диктатуры пролетариата,—тот помогает эксплуататорам и ничего больше, он их сторонник, потому что свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман, как это мы в своей партийной программе заявили прямо. Может быть это лишнее, с точки зрения внешнего построения программы, но это самое коренное с точки зрения всей нашей пропаганды и агитации, с точки зрения основ пролетарской борьбы и пролетарской власти. Мы прекрасно знаем, что мы должны бороться со всемирным капиталом, мы прекрасно знаем, что всемирный капитал в свое время имел перед собой задачу создания свободы, что он сбросил феодальное рабство, что он буржуазную свободу создал, мы прекрасно знаем, что это всемирно-исторический прогресс. И мы заявляем, что мы против капитализма вообще идем, против капитализма республиканского, против капитализма демократического, против капитализма свободного,—конечно, мы знаем, что он против нас выдвинет знамя свободы. И мы ему отвечаем. Мы считали необходимым этот ответ поставить в своей программе: всякая свобода есть обман, если она противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала.

Но может быть этого быть не может, может быть не может быть противоречия свободы с освобождением труда от гнета капитала? Посмотрите на все западно-европейские страны, в каких вы либо бывали, либо, во всяком случае, о каких читали. В каждой книжке освещался их строй, как самый свободный строй, и теперь эти западно-европейские цивилизованные страны—Франция, Англия, Америка, они подняли это знамя, они идут против большевиков «во имя свободы». На-днях совсем,—французские газеты теперь попадают редко, потому что мы окружены кольцом, но по радио сведения попадают, воздух захватить все таки нельзя, мы перехватываем иностранные радио—на-днях я имел возможность прочесть в радио, которое было послано французским грабительским правительством: идя против большевиков и поддерживая его противников, Франция держит по-прежнему высоко свойственный ей «высокий идеал свободы». Это мы встречаем на каждом шагу, это основной их тон в полемике против нас.

А что они называют свободой? Эти цивилизованные французы, англичане, американцы, они называют свободой хотя бы свободу

собраний. В конституции должно быть написано: «свобода собраний всем гражданам». Вот это,—говорят они,—есть содержание, вот это есть основное проявление свободы. А вы, большевики, вы свободу собраний нарушили.

Да,—отвечаем мы,—ваша свобода, господа англичане, французы, американцы, есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала. Вы мелочь забыли, господа цивилизованные. Забыли, что ваша свобода написана в конституции, которая *узаконяет частную собственность*. Вот это суть дела.

Рядом с свободой собственности, так и написано в вашей конституции. Что вы признаете свободу собраний, это конечно громадный прогресс по сравнению с феодальным порядком, средневековьем, крепостным правом. Это признали все социалисты, когда использовали эту свободу буржуазного общества, чтобы научить пролетариат, как свергнуть гнет капитализма.

Но ваша свобода такова, что это есть свобода на бумаге, а не на деле. Это значит, что если в больших городах бывают большие залы, вроде этой, они принадлежат капиталистам и помещикам, называются, напр., залами «благородного собрания». Вы можете свободно собираться, граждане Российской Демократической Республики, но это частная собственность, извините пожалуйста, нужно уважать частную собственность, иначе вы будете большевиками, преступниками, разбойниками, грабителями, озорниками. А мы говорим: мы это перевернем. Это здание из «благородного собрания» мы сперва сделаем зданием рабочих организаций, а потом поговорим о свободе собраний. Вы нас обвиняете в нарушении свободы. Мы же признаем, что всякая свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман. Свобода собраний, которая написана в конституции всех буржуазных республик, есть обман, потому-что, чтобы собираться в цивилизованной стране, которая все-таки зимы не уничтожила, погоды не переделала, нужно иметь помещения для собраний, а лучшие здания в частной собственности. Сначала отберем лучшие здания, а потом поговорим о свободе.

Мы говорим, что свобода собраний для капиталистов,—это величайшее преступление против трудящихся, это есть свобода собраний для контр-революционеров. Мы говорим господам буржуазным интеллигентам, господам сторонникам демократии: вы лжете, когда бросаете в лицо обвинение в нарушении свободы! Когда ваши, буржуазные великие революционеры в Англии в 1649 году, во Франции в 1792—1793 совершали революцию, они не давали свободы собраний монархистам. Потому и названа французская революция великой, что она не отличалась дряблостью, половинчатостью, фразерством многих революций 48 года, а что это была деловая революция, которая, свергнув монархистов, задавила их до конца. Так же и мы сумеем поступить с господами капиталистами, ибо мы знаем, что для освобождения трудящихся от гнета капитала нужно отобрать свободу собраний у капиталистов, нужно их «свободу» отнять или урезать. Это служит освобождению труда от гнета капитала, это служит той настоящей свободе, когда не будет зданий, в которых не живет отдельная семья и которые принадлежат кому-нибудь в отдельности—помещикам, капиталистам или какому-нибудь акционерному обществу. Когда это будет, когда забудут люди о том, что могут быть общественные здания в чьей-то собственности, тогда-то мы будем за полную «свободу». Когда на свете останутся только работники и забудут люди думать о том, что можно быть членом общества не работником,—

это будет еще не так скоро, в проволочке виноваты господа буржуа и господа буржуазные интеллигенты,—тогда мы будем за свободу собраний для каждого, а сейчас свобода собраний есть свобода собраний капиталистов, контр-революционеров. Мы с ними боремся, мы даем им свой отпор и заявляем, что эту свободу мы отменяем.

Мы идем в бой,—это есть содержание диктатуры пролетариата. Прошли те времена наивного, утопического, фантастического, механического, интеллигентского социализма, когда дело представляли так, что убедят большинство людей, нарисуют красивую картинку социалистического общества, станет большинство на точку зрения социализма,—миновали те времена, когда этими детскими побасенками забавляли себя и других. Марксизм, который признавал необходимость классовой борьбы, говорил: к социализму человечество не придет иначе, как через диктатуру пролетариата. Диктатура—слово жестокое, тяжелое, кровавое, мучительное и этаких слов на ветер не бросают. Если с этаким лозунгом выступили социалисты, то это потому, что они знают, что иначе, как в отчаянной, беспощадной борьбе класс эксплуататоров не сдастся и что он будет всякими хорошими словами прикрывать свое господство.

Свобода собраний,—что может быть выше, что может быть лучше этого слова! Мыслимо ли развитие трудящихся и их сознательности без свободы собраний, мыслимы ли основы человечности без свободы собраний? А мы говорим, что свобода собраний по конституции Англии, Американских Соединенных Штатов есть обман, потому что связывает руки у трудящихся масс во все время перехода к социализму, есть обман, потому что они прекрасно знают, что буржуазия будет все делать, чтобы свергнуть эту власть, столь необычную, столь чудовищную вначале. Иначе быть не может в глазах того, кто продумал классовую борьбу, кто сколько нибудь конкретно, ясно думает об отношении вставших рабочих к буржуазии, которая свергнута в одной стране и не свергнута во всех и которая именно потому, что она свергнута не совсем, с тем большим озлоблением бросается на борьбу.

Именно после свержения буржуазии классовая борьба принимает самые резкие формы. И никуда не годятся те демократы и социалисты, которые обманывают себя, а потом обманывают и других, говоря: раз буржуазия свергнута, дело кончено. Оно только начато, а не кончено, потому что буржуазия до сих пор не верила той мысли, что она свергнута, и накануне октябрьской революции шутила очень мило и очень любезно, шутили и Милюков, и Чернов, и новожизненцы, они шутили: «Ну, пожалуйста, господа большевики, составьте кабинет, сами возьмите власть на парочку недель,—вы прекрасно нам поможете». Ведь это писал Чернов от эсеров, это писал Милюков в «Речи», это писала полу-меньшевистская «Новая Жизнь». Они шутили, потому что никто не брал дело в серьез. А теперь увидели, что дело пошло в серьез, и господа английские, французские и швейцарские буржуа, которые думали, что их «демократические республики» это броня, которая их защищает, они увидели и осознали, что дело пошло серьезно и теперь они вооружаются все. Если бы вы могли посмотреть, что делается в свободной Швейцарии, как там поголовно вооружается каждый буржуа, создает белую гвардию, потому что «он знает, что вопрос пошел о том, сохранить ли ему свои привилегии, позволяющие держать миллионы в наемном рабстве. Теперь борьба приняла мировой размах, поэтому теперь все, что со словами «демократия», «свобода» выступает против нас, становится на сторону эксплуатируемых классов».

обманывает народ, ибо он не понимает, что свобода и демократия до сих пор были свободой и демократией *для имущих* и лишь крешками со стола для неимущих.

Что такое свобода собраний, когда трудящиеся задавлены рабством капитала и работой на капитал? Это есть обман и для того, чтобы идти к свободе для трудящихся, надо сначала победить сопротивление эксплуататоров, а если я выдерживаю сопротивление целого класса, то ясно, что я не могу обещать ни свободы, ни равенства, ни решения большинства для этого класса.

IV.

Теперь от свободы я перейду к равенству. Здесь дело стоит еще глубже. Здесь мы касаемся в проса еще более серьезного, вызывающего большие разногласия и более болезненного.

Революция в своем ходе свергает один эксплуататорский класс за другим. Она сбросила сначала монархию и принимала под равенством только то, что бы была выборная власть, что бы была республика. Она, перейдя дальше, сбросила помещиков, и вы знаете, что вся борьба против средневековых порядков, против феодализма шла под лозунгом «равенства». Все равны, независимо от сословий, все равны, в том числе миллионер и голяк, — так говорили, так думали, так искренне считали величайшие революционеры того периода, который в историю вошел, как период великой Французской Революции. Революция шла против помещиков под лозунгом равенства, и называли равенством то, что миллионер и рабочий должны иметь равные права. Революция шла дальше. Она говорила, что «равенство», — мы этого не сказали особо в своей программе, но нельзя же повторять бесконечно, это также ясно, как то, что мы сказали про свободу, — равенство есть обман, если оно противоречит освобождению труда от гнета капитала. Это мы говорим и это совершенная правда. Мы говорим, что демократическая республика с современным равенством, это ложь, обман, что равенство там не соблюдается и его там быть не может и то, что мешает пользоваться этим равенством это есть собственность на средства производства, на деньги, на капитал. Можно отнять сразу собственность на богатые здания, можно отнять сравнительно скоро капиталы и орудия производства, но возьмите собственность на деньги.

Деньги — ведь это сгусток общественного богатства, сгусток общественного труда, деньги — это свидетельство на получение дани со всех трудящихся, деньги — это остаток вчерашней эксплуатации. Вот что такое деньги. Можно ли какнибудь сразу их уничтожить? Нет. Еще до социалистической революции и социалисты писали, что деньги отменить сразу нельзя, и мы своим опытом можем это подтвердить. Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги, а до тех пор приходится оставаться при равенстве на словах в конституции, и при том положении, когда каждый, имеющий деньги, имеет фактическое право на эксплуатацию. И мы не могли отменить денег сразу. Мы говорим: пока деньги остаются, и довольно долго останутся в течение переходного времени от старого капиталистического общества к новому социалистическому. Равенство есть обман, если оно противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала.

Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: Понятие равенства есть глупейший и вздорный предразсудок *помимо* уничтожения классов. Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, что мы хотим одного человека сделать равным другим. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты, и именно основатель современного научного социализма—Маркс—говорил: Равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка интеллигента, который иногда добросовестно кривляется, вывертывает слова, а содержания нет,—пусть он называет себя писателем, иногда ученым и еще кем бы то ни было.

И вот мы говорим: мы ставим себе целью равенство, как уничтожение классов. Тогда нужно уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет нашу цель. Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество. Конечно, при толковании слова социалист в известном смысле, можно назвать его социалистическим, но это будет казуистика, спор о словах. Социализм, это есть первая стадия коммунизма,—но спорить о словах не стоит. Ясно одно, что пока остается классовая разница между рабочим и крестьянином, мы не можем говорить о равенстве, не остерегаясь того, чтобы не попасть, как вода на мельницу буржуазии. Крестьяне—это ее класс патриархальной эпохи, класс, воспитанный десятилетиями и столетиями рабства и в течение всех этих десятилетий крестьянин существовал, как *мелкий хозяин*, сначала подчиненный другим классам, потом формально свободный и равный, но *собственник и владелец предметов питания*.

И вот тут мы подходим к вопросу, который больше всего вызывает нареканий со стороны наших врагов, который больше всего родит сомнений среди неопытных и невдумывающихся людей и который больше всего разделяет нас от тех, кто желает считаться демократами, социалистами и кто обижается на нас, что мы его ни демократом, ни социалистом не считаем, а называем сторонником капиталистов, может быть по темноте, но сторонником капиталистов.

Положение крестьянина таково, по его быту, условиям производства, условиям его жизни, условиям его хозяйства, что крестьянин—полутрудовой, полупекулянт.

Это—факт. Из этого факта вы не выскочите, пока не уничтожите деньги, не уничтожите обмен. А для того, чтобы это сделать, нужны годы и годы устойчивого господства пролетариата, потому что только пролетариат способен победить буржуазию. Когда нам говорят: вы нарушители равенства, вы нарушили равенство не только с эксплуататорами,—еще я пожалуй готов согласиться с этим, заявляет какойнибудь социалист-революционер или меньшевик, не понимая того, что он говорит,—но вы нарушили равенство рабочих с крестьянами, нарушили равенство «трудовой демократии», вы преступники! Мы отвечаем: Да, мы нарушили равенство рабочих с крестьянами и утверждаем, что вы, которые стоите за это равенство—сторонники Колчака. Я недавно читал прекрасную статью товарища Германова в «Правде», в которой были тезисы гражданина Шера, одного из наиболее «социалистических» с.-д. меньшевиков. Эти тезисы были предложены в нашем кооперативном учреждении. Эти тезисы таковы, что надо было бы

выгравировать их на доске, повесить во всяком волостном *Исполком* и подписать: «Сие есть колчаковец».

Я прекрасно знаю, что этот гражданин Шер и его единомышленники за это назовут меня клеветником и еще похуже. Тем не менее, я приглашаю людей, которые учились азбуке политической экономии и политической грамоте, разобраться внимательно, кто прав, кто виноват. Гражданин Шер говорит: продовольственная политика и вообще экономическая политика Советской власти никуда не годится и надо перейти сначала постепенно, а потом шире к свободной торговле продовольственными продуктами и к обеспечению частной собственности.

Я говорю, что это есть экономическая программа, экономическая основа Колчака. Я утверждаю, что тот, кто читал Маркса, особенно первую главу «Капитала», кто читал популяризацию Маркса хотя бы Каутским: «Экономическое учение Карла Маркса», тот должен будет прийти к тому, что действительно в момент, когда происходит революция пролетариата против буржуазии, когда свержается помещичья и капиталистическая собственность, когда голодает страна, разоренная четырехлетней империалистской войной, свобода торговли хлебом есть свобода капиталиста, свобода восстановления власти капитала. Это есть колчаковская экономическая программа, ибо Колчак держится не на воздухе.

Довольно неумно порицать Колчака только за то, что он насильничал против рабочих и даже порол учительниц за то, что они сочувствовали большевикам. Это вульгарная защита демократии, это глупые обвинения Колчака. Колчак действует теми способами, которые он находит. Но чем он держится экономически? Он держится свободой торговли, он за нее идет, его за это поддерживают все капиталисты. А вы говорите: «я от Колчака ушел, я не колчаковец». Это, конечно, делает тебе честь, но это еще не доказывает, чтобы у тебя была на плечах голова, способная рассуждать. Так мы этим людям и отвечаем, нисколько не посягая на честь эсеров и меньшевиков, которые ушли от Колчака, когда увидели, что это насильник. Но если такой человек в стране, которая борется в отчаянной схватке с Колчаком, продолжает бороться за «равенство трудовой демократии», за свободу торговли хлебом,—он и есть колчаковец, он только не понимает дела, не умеет свести концов с концами.

Колчак держится тем, что, взявши богатую хлебом местность, называется ли он Колчак или Деникин, мундиры разные—сущность одна,—он там разрешает свободу торговли хлебом и свободу восстановления капитализма. Так было во всех революциях, так будет у нас, если мы от диктатуры пролетариата перейдем к этой свободе и к «равенству» господ демократов, эсеров, левых меньшевиков и т. д. вплоть иногда до анархистов,—кличек много. Теперь на Украине каждая банда избирает кличку, одна свободнее другой, одна демократичнее другой и в каждом уезде по банде.

Равенство между рабочими и крестьянами нам преподносят «защитники интересов трудового крестьянина», это большею частью эсеры. Другие, как гражданин Шер, они учились марксизму и все же не понимают, что равенства между рабочим и крестьянином на время переходное от капитализма к социализму, быть не может, и тех, кто его обещает, надо признать развивающими программу Колчака, хотя бы они этого не понимали. Я утверждаю, что всякий, кто подумает над конкретными условиями страны, особенно совершенно разоренной страны, тот это поймет.

Наши «социалисты», которые утверждают, что теперь у нас период буржуазной революции, постоянно обвиняют нас в том, что у нас коммунизм потребительский. Некоторые прибавляют—коммунизм солдатский и воображают себя выше стоящими, воображают, что они поднялись над этим низменным видом коммунизма. Это просто люди, которые играют словами. Они книжки выдали, книжки заучили, книжки повторили и в книжках ничегошеньки не поняли. Бывают такие ученые и даже ученейшие люди. В книжках он читал, что социализм есть высшее развитие производства. Каутский даже и теперь только и делает, что это повторяет. Я на днях выдал одну французскую газету, которая печально попала к нам и в ней прочел про последний съезд независимых в Германии. Каутский выступал докладчиком и в своем докладе он подчеркивал,—не он лично, а его жена, так как он был болен, она его доклад читала,—в этом докладе он подчеркивает, что социализм есть высшее развитие производства и без производства ни капитализм, ни социализм держаться не может,—а немецкие рабочие этого не понимают.

Бедные немецкие рабочие! Они борются с Шейдеманом и Носке, борются с палачами, стараются свергнуть власть палачей, продолжающих считать себя социал-демократами Шейдемана и Носке, они думают, что идет гражданская война. Убит Либкнехт, убита Роза Люксембург. Все русские буржуа говорят: это было напечатано в Екатеринбургской газете: «Вот как надо с нашими большевиками». Так и напечатано. Кто понимает дело, прекрасно знает, что вся международная буржуазия стоит на этой точке зрения. Надо защищаться. Шейдеман и Носке ведут гражданскую войну против пролетариата. Война есть война. Немецкие рабочие думают, что находятся в гражданской войне, а все остальные вопросы имеют подчиненное значение. Надо прежде всего прокормить рабочего. Каутский считает это солдатским или потребительским коммунизмом. Надо развивать производство!..

О, премудрые господа, но как же вы можете развивать производство в стране, которая ограблена и разорена империалистами, в которой нет угля, нет сырья, нет орудий? «Развитие производства»,—но у нас не бывает заседания Совета Народных Комиссаров или Совета Обороны, где бы мы не делили последние миллионы пудов угля или пудов нефти и, испытывая мучительное состояние, когда все комиссары берут себе последние остатки и каждому не хватает и надо решать, закрыть фабрики здесь или там, здесь оставить рабочих без работы или там,—мучительный вопрос, но приходится это делать, потому что угля нет. Уголь—в Донецком бассейне, уголь уничтожен немецким нашествием. Вы возьмите Бельгию, Польшу—это типичное явление, всюду происходит то же самое, как последствие империалистской войны. Это значит, что безработица и голод предстоят на много лет, ибо есть такие копи, которые, когда залиты, через много лет не восстановишь. И тут нам говорят: «Социализм есть повышение производительности». Книжки вы читали, господа хорошие, книжки вы писали, в книжках вы ничего не поняли. (Аплодисменты).

Конечно, с точки зрения такого капиталистического общества, которое бы в мирное время мирно перешло к социализму, у нас не было бы более неотложных задач, как поднятие производительности. Только маленькое словечко надо сказать: «Если бы». Если бы социализм рождался так мирно, как господа капиталисты не пожелали позволить ему родиться. Маленькая нехваточка вышла. Если бы даже не было войны, то все же господа капиталисты все бы сделали, чтобы не допустить такого мирного развития. Великие революции, даже

когда они начинались мирно, как Великая Французская революция, кончались бешеными войнами, которые открывала контр-революционная буржуазия. Иначе и быть не может, если на этот вопрос смотреть с точки зрения классовой борьбы, а не того мещанского фразерства о свободе, равенстве, трудовой демократии и воле большинства, того мещанского тупоумного фразерства, которым нас угощают меньшевики, эсеры, вся эта «демократия». Мирного развития к социализму быть не может. А в теперешний период, после империалистской войны смешно говорить, чтобы развитие шло мирно, особенно в стране разоренной. Возьмите Францию. Франция—победительница, а там на половину сократилось производство хлеба. В Англии, я видел в английских буржуазных гаётах, говорят: «мы теперь нищие». И в стране разоренной упрекать коммунистов за остановку производства! Кто говорит это, тот либо полный идиот, хотя бы он называл себя трижды вождем Бернского интернационала, либо предатель рабочих.

В стране, которая разорена, первая задача—спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживет, мы все спасем и восстановим.

Мы вытерпим многие годы нищеты, возвращения назад, к варварству. Нас отбросила назад, к варварству империалистская война, и если мы спасем трудящегося, спасем главную производительную силу человечества—работника,—мы все вернем, но мы погибнем, если не сумеем спасти его, и поэтому те, кто в этот момент кричит о потребительском и солдатском коммунизме, смотря на других сверху вниз, восбравая, что он поднялся выше чем эти большевики-коммунисты, тот, повторяю, абсолютно ничего не понимает в политической экономии, и хватается за цитаты из книг, как ученый, у которого в голове как бы ящики с цитатами, и он высовывает их, а случись новая комбинация, которая в книжке не написана, он растерялся и выхватывает из ящика как раз не ту цитату, которую следует.

В тот момент, когда страна разорена, наша главная основная задача отстоять жизнь рабочего, *спасти рабочего*, а рабочие гибнут, потому что фабрики встают, а фабрики встают потому, что нет топлива и потому что наше производство все искусственное, промышленность оторвана от мест получения сырья. Это во всем мире так. Сырье нужно подвозить русским хлопчатобумажным фабрикам из Египта, из Америки, самое близкое из Туркестана, а вот подвезите, когда там контр-революционные банды и английские войска захватили Ашхабад и Красноводск, подвезите из Египта, из Америки, когда железные дороги не возят, когда их разорили, когда они стоят, угля нет.

Надо спасти рабочего, хотя он не может работать. Если мы спасем его на эти несколько лет, мы спасем страну, общество и социализм. Если не спасем, то скатимся назад, в наемное рабство. Так стоит вопрос о социализме, который рождается не из фантазии мирного дурачка, называющего себя социал-демократом, а из реальной действительности, из бешеной, отчаянно-жестокой классовой борьбы. Это факт. Все нужно принести в жертву, чтобы спасти существование рабочего. И с этой точки зрения, когда подходят и нам говорит «мы за равенство трудовой демократии, а вы коммунисты, вы не даёте равенства даже рабочим и крестьянам»—мы отвечаем: рабочий и крестьянин равны как труженики, но сытый спекулянт хлебом не равен голодному труженику. Только поэтому в нашей конституции написано, что рабочий и крестьянин неравны.

Вы говорите, что они должны быть равны? Давайте, взвесим, считаем. Возьмите 60 крестьян, 10 рабочих. У 60 крестьян есть

излишек хлеба. Они ходят оборванные, но у них есть хлеб. Возьмем 10 рабочих. После империалистской войны они оборваны, измучены, у них нет хлеба, топлива, сырья. Фабрики стоят. Что же, они равны по-вашему? 60 крестьян имеют право решать, а 10 рабочих должны подчиняться? великий принцип равенства, единства трудовой демократии и решения большинства?

Так нам говорят. Мы отвечаем: «вы шуты гороховые», ибо вы прекраснодушными словами заговариваете и заслоняете вопрос о голоде.

Мы спрашиваем вас: разоренные рабочие в разоренной стране, где фабрики стоят, имеют ли они право подчиняться решению большинства крестьян, если те не дают хлебных излишков? Имеют ли они право взять эти излишки хлеба хоть бы даже насилем, если иначе нельзя? Отвечайте прямо! Тут начинают вилить и вертеться, когда взят вопрос о настоящем существе дела.

Во всех странах промышленность разорена и будет разорена несколько лет, потому что сжечь фабрики или залить копи штука легкая, взорвать вагоны, поломать паровозы—штука легкая, на это всякий дурак хотя бы он назывался немецким или французским офицером, очень способен, особенно если он имеет хорошую машину для взрывов, стрельбы и т. д. Но восстанавливать дело очень трудное, на это требуются годы.

Крестьяне есть особый класс: как труженики, они враги капиталистической эксплуатации, но в то же время они собственники. Крестьянин столетиями воспитался на том, что хлеб его, и что он волен его продавать. Это мое право, думает крестьянин, ибо это мой труд, мой пот и кровь. Переделать его психологию быстро нельзя, это долгий и трудный процесс борьбы. Кто воображает, что переход к социализму будет таков, что один убедит другого, а другой третьего, тот ребенок в лучшем случае или политический лицемер, а из людей, которые выступают на политической кафедре, большинство, конечно, относится к последней категории.

Вопрос стоит таким образом, что крестьянин привык к свободной торговле хлебом. Когда мы сбросили капиталистические учреждения, оказалось, что еще одна сила, которой держался капитализм,—это сила привычки. Чем решительнее мы сбросили все учреждения, которые капитализм поддерживали, тем яснее выступила другая сила, которая капитализм поддерживала,—сила привычки. Учреждение можно при удаче разбить сразу, привычку никогда ни при какой удаче разбить сразу нельзя. Когда мы отдали всю землю крестьянству, освободили его от помещичьего землевладения, когда сбросили все, что связывало его, он продолжает считать «свободой» свободную продажу хлеба и несвободой обязательство отдавать по твердой цене излишки хлеба. Что это такое и как это «отдать», негодует крестьянин особенно, если притом аппарат еще плох, а он плох потому, что вся буржуазная интеллигенция на стороне Сухаревки. Понятно, что этот аппарат должен опираться на людей, которые учатся и в лучшем случае, если они добросовестны и преданы делу, то научатся в несколько лет, а до тех пор аппарат будет плох и иногда примазываются всякие жулики, которые называют себя коммунистами. Эта опасность угрожает всякой правящей партии, всякому победоносному пролетариату, ибо сразу ни сломить сопротивление буржуазии, ни поставить совершенного аппарата нельзя. Мы знаем прекрасно, что аппарат компрома еще плох. Недавно были произведены научные статистические обследования того, как питается рабочий в неземледельческих губерниях.

Оказалось, что он половину всего количества продуктов получает от компрода, другую половину от спекулянтов; за первую половину платит $\frac{1}{10}$ всех своих расходов на продовольствие, за вторую $\frac{9}{10}$.

Половина продовольствия, собранная и доставленная компродом, собрана, конечно, плохо, но она собрана социалистически, а не капиталистически. Она собрана победой над спекулянтом, а не сделкой с ним, она собрана принесением в жертву всех остальных интересов на свете и в том числе интересов формального «равенства», которым г. г. меньшевики, с.-р. и К-о щеголяют, интересам голодающих рабочих. Оставайтесь с вашим «равенством», господа, а мы останемся с голодными рабочими, которых мы спасли от голода. Как бы нас за нарушение «равенства» меньшевики ни упрекали, а факт тот, что мы наполовину задачу продовольствия решили в условиях неслыханных невероятных трудностей. И мы говорим, что если 60 крестьян имеют излишки хлеба а 10 рабочих голодают, то надо говорить не о «равенстве» вообще и не о «равенстве людей труда», а о безусловной обязанности 60-ти крестьян подчиниться решению 10 рабочих и дать им, хотя бы даже в ссуду дать, излишки хлеба.

Вся политическая экономия, если кто либо чему нибудь из нее научился, вся история революции, вся история политического развития в течение всего XIX века учит нас, что крестьянин идет либо за рабочим, либо за буржуа. Он не может идти иначе. Это, конечно, иному демократу, пожалуй, покажется обидным, — иной подумает, что я из марксистского злопыхательства на крестьянина клеветую. Крестьян большинство, они труженики, — и не могут идти своим путем! Почему?

Если вы не знаете почему, сказал бы я таким гражданам, почтите начатки политической экономии Маркса, его изложение у Каутского, подумайте над развитием любой из крупных революций XVIII и XIX века, над политической историей любой страны XIX века. Она вам ответит почему. Экономика капиталистического общества такова, что господствующей силой может быть только капитал или свергающий его пролетариат.

Иных сил нет в экономике этого общества.

Крестьянин является полутруженником, полуспекулянтом. Крестьянин труженик, потому что потом и кровью добывает себе свой хлеб, его эксплуатируют помещики, капиталисты, купцы. Крестьянин — спекулянт, потому что продает хлеб, предмет необходимости, предмет, который, если его нет, стоит того, чтобы отдать за него все имущество. Голод не тетка; за хлеб отдадут и тысячу рублей и сколько угодно, хоть все имущество.

Крестьянин в этом не виноват, но его экономические условия таковы, что он живет в товарном хозяйстве, жил десятки и сотни лет, привык обменивать свой хлеб на деньги. Привычку не переделаешь, деньги уничтожить сразу нельзя. Чтобы их уничтожить, нужно наладить организацию распределения продуктов для сотен миллионов людей, дело долгих лет. И вот пока остается товарное хозяйство, пока есть голодные рабочие рядом с прячущими излишек хлеба сытыми крестьянами, до тех пор остается известная противоположность интересов рабочих и крестьян, и кто от этой реальной противоположности, созданной жизнью, отделяется фразами о «свободе», «равенстве» и «трудовой демократии», тот пустейший фразер в лучшем случае, а в худшем — лицемерный защитник капитализма. Если капитализм победит революцию, то победит, пользуясь темнотой крестьян, тем, что он их подкупает, прельщает возвратом к свободной торговле.

Меньшевики и эсеры стоят фактически на стороне капитализма против социализма.

Экономическая программа Колчака, Деникина и всех русских белогвардейцев—свободная торговля. Они это понимают и не их вина, что гражданин Шер этого не понимает. Экономические факты жизни не изменяются от того, что данная партия не понимает их. Лозунг буржуазии—свободная торговля. Крестьян стараются сбмануть, говоря: «не лучше ли было жить по старинке? Разве не лучше было жить себе свободной, вольной продажей земледельческого труда? Что может быть справедливее?» Так говорят сознательные колчаковцы и они правы с точки зрения интересов капитала. Чтобы восстановить власть капитала в России, нужно опираться на традиции,—на предубеждения крестьянина против его рассудка, на старую привычку к свободной торговле и нужно насильно подавить сопротивление рабочих. Иного выхода нет. Колчаковцы правы, с точки зрения капитала, в своей экономической и политической программе, они умеют свести концы с концами, понимают, где начало и где конец, понимают связь между свободной торговлей крестьян и насильственным расстрелом рабочих. Связь есть, хотя ее гражданин Шер не понимает. Свободная торговля хлебом есть экономическая программа колчаковцев; расстрел десятков тысяч рабочих (как в Финляндии) есть необходимое средство для осуществления этой программы, потому что рабочий не отдаст даром тех завоеваний, которые он приобрел. Связь неразрывная, а люди, которые совершенно ничего не понимают в экономической науке и политике, люди, забывшие основы социализма из-за своей мелкобуржуазной испуганности, именно меньшевики и «социал-революционеры», эти люди пытаются нас заставить забыть эту связь фразами о «равенстве», о «свободе», воплями, что мы нарушаем принцип равенства внутри «трудовой демократии», что наша конституция «несправедлива».

Голос нескольких крестьян значит столько же, сколько голос одного рабочего. „Это не справедливо“?

Нет, это справедливо для той эпохи, когда надо низвергнуть капитал. Я не знаю, откуда вы берете ваши понятия о справедливости. Они у вас из вчерашней капиталистической эпохи. Товаровладелец, его равенство, его свобода,—вот ваши понятия о справедливости. Это мелкобуржуазные остатки мелкобуржуазных предубеждений,—вот что такое ваша справедливость, ваше равенство, ваша трудовая демократия. А для нас справедливость подчинена интересам свержения капитала. Свергнуть капитал иначе как объединенными усилиями пролетариата нельзя.

Можно ли сразу и прочно объединить десятки миллионов крестьян против капитала, против свободной торговли? Вы не можете этого сделать в силу экономических условий, хотя бы крестьяне были вполне свободны и гораздо более культурны. Этого сделать нельзя, потому что для этого нужны иные экономические условия, для этого нужны долгие годы подготовки. А кто ее произведет, эту подготовку? Либо пролетариат, либо буржуазия.

Крестьянин своим экономическим положением в буржуазном обществе неизбежно поставлен так, что он либо идет за рабочим, либо за буржуазией. *Середин нет.* Он может колебаться, путаться, фантазировать, может порицать, ругать, он может проклинать «узких» представителей пролетариата, «узких» представителей буржуазии. Они-де представляют собою меньшинство. Их можно проклинать, говорить громкие фразы о большинстве, о широком, всеобщем

характере вашей трудовой демократии, о чистой демократии. Слов можно нализывать сколько угодно. Это будут слова, прикрывающие тот факт, что если крестьянин не идет за рабочим, то он идет за буржуазией. Середины нет и быть не может. И те люди, которые в этот труднейший переход истории, когда рабочие голодают и их промышленность стоит, *не помогают рабочим* взять хлеб по более справедливой, не по «вольной» цене, не по капиталистической, не по торгашеской цене, эти люди осуществляют программу колчаковцев, как бы они ни отрицали это сами для себя лично и как бы искренно они ни были убеждены в том, что они добросовестно выполняют свою программу.

V.

Я останавлиюсь теперь на последнем вопросе, который я наметил, на вопросе о поражении и победе революции. Каутский, которого я вам назвал, как главного представителя старого, гнилого социализма, не понял задач диктатуры пролетариата. Он упрекал нас в том, что решение по большинству было бы решением, которое могло бы обеспечить мирный исход. Решение диктатурой есть решение военным путем. Значит, если вы не выиграете военным путем, вы будете побеждены и уничтожены, потому что гражданская война не берет в плен, она уничтожает. Так «пугал» нас испуганный Каутский.

Совсем верно. Это факт. Правильность этого наблюдения мы подтверждаем. Тут говорить нечего. Гражданская война более серьезная и жестокая, чем всякая другая. Так всегда бывало в истории, начиная с гражданских войн древнего Рима, потому что войны международные всегда кончались сделками между имущими классами и только в гражданской войне угнетенный класс направляет усилия к тому, чтобы уничтожить угнетающий класс до конца, уничтожить экономические условия существования этого класса.

Я спрашиваю вас: чего же стоят «революционеры», которые пугают начавшуюся революцию тем, что она может потерпеть поражение? Не бывало, нет, не будет и не может быть таких революций, которые не рисковали бы поражением. Революцией называется отчаянная борьба классов, дошедшая до наибольшего ожесточения. Классовая борьба неизбежна. Либо нужно отказаться от революции вообще, либо нужно признать, что борьба с имущими классами будет самой ожесточенной из всех революций. На этот счет среди социалистов, сколько нибудь сознательных, не было различия во взглядах. Когда мне приходилось разбирать всю ренегатскую подоплеку этих писаний Каутского, я к тому назад писал: даже если-бы,—это было в сентябре прошлого года,—даже если бы завтра большевистскую власть свергли империалисты, мы бы ни на секунду не раскаялись, что мы ее взяли. И ни один из сознательных рабочих, представляющих интересы трудящихся масс, не раскается в этом, не усумнится, что наша революция тем не менее победила. Ибо революция побеждает, если она двигает вперед передовой класс, наносящий серьезные удары эксплуатации. Революции при этом условии побеждают даже тогда, когда они терпят поражение. Это может показаться игрой слов, но для того, чтобы показать, что это факт, возьмем конкретный пример из истории.

Возьмите великую французскую революцию. Она не даром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век,

который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве.

Наша революция для нашего класса, для которого мы служим, для пролетариата, сделала за полтора года уже несравненно больше, чем то, что сделали великие французские революционеры.

Они продержались у себя два года и погибли под ударами объединенной европейской реакции погибли под ударами объединенных полчищ всего мира, которые сломали французских революционеров, восстановили легитимного, законного, монарха во Франции, тогдашнего Романова, восстановили помещиков и на долгие десятилетия задушили всякое революционное движение во Франции. И тем не менее великая французская революция победила.

Всякий, сознательно относящийся к истории, скажет, что французская революция, хотя ее разбили, все-таки победила, потому что она всему миру дала такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустраимы.

Наша революция за полтора года дала для пролетариата, для того класса, которому мы служим, для той цели, для которой мы работаем, для свержения господства капитала, дала неизмеримо больше, чем французская революция для своего класса. И потому мы говорим, что если бы даже, беря возможный гипотетически, худший из возможных случаев, если бы завтра какой-нибудь счастливый Колчак перебил поголовно всех и каждого большевика, революция осталась бы непобедимой. И доказательство наших слов мы находим в том, что новая государственная организация, которая выдвинута этой революцией, морально уже победила в рабочем классе всего мира, уже сейчас пользуется поддержкой его. Когда погибли в борьбе великие французские буржуазные революционеры, они погибли одиночками, у них не было поддержки в других странах. Против них ополчились все европейские государства и более всего передовая Англия. Наша революция теперь всего через полтора года господства большевистской власти добилась того, что новая государственная организация, которую она создала, советская организация, стала понятной, знакомой, популярной рабочим всего мира, стала своей для них.

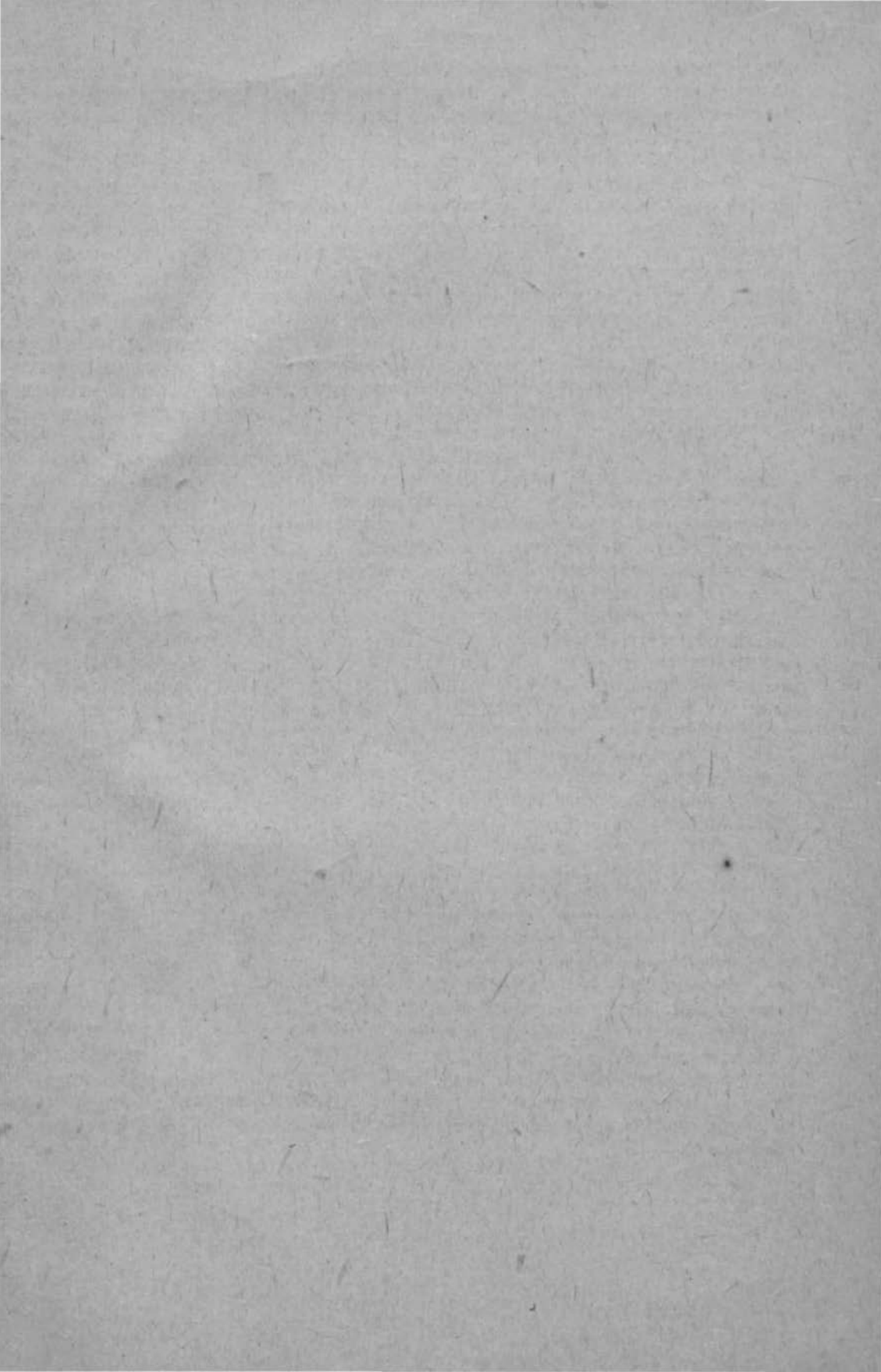
Я доказывал вам, что диктатура пролетариата неизбежна, необходима и безусловно обязательна для выхода из капитализма. Диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация. Вот почему в моем кратком приветствии в начале съезда я подчеркнул эту основную, элементарную, простейшую задачу организации и вот почему я с такой беспощадной враждебностью отношусь ко всяким интеллигентским выдумкам, ко всяким «пролетарским культурам». Этим выдумкам я противопоставляю азбуку организации. Распределите хлеб и уголь так, чтобы было заботливое отношение к каждому пуду угля, к каждому пуду хлеба, вот задача пролетарской дисциплины. Не такая дисциплина, которая держалась на палке, как держалась на палке дисциплина у крепостников, или на голоде, как у капиталистов, а товарищеская дисциплина, дисциплина рабочих союзов. Эту элементарную, простейшую задачу организации решите, и мы победим. Ибо тогда пойдет вполне с нами крестьянин, который колеблется между рабочим и капиталистом, который не знает,

идти ли ему к людям, которым он еще не верит, но не может отказать им в том, что они осуществляют порядок труда более справедливый, при котором эксплуатации не будет, при котором «свободная» торговля хлебом будет государственным преступлением, идти ли за ними, или за теми, которые по старинке обещают свободную торговлю хлебом, которая будто бы обозначает свободу труда. Если крестьянин увидит, что пролетариат строит свою государственную власть так, что умеет устроить порядок,—а крестьянин его требует, его хочет и в этом он прав, хотя много смутного, много реакционного и много предрассудков связано с этим крестьянским стремлением к порядку,—то крестьянин в конце концов, после ряда колебаний пойдет за рабочим. Крестьянин не может просто, легко, сразу выйти из старого общества к новому. Он знает, что старое общество давало ему «порядок» ценой разорения трулящихся, ценой превращения их в рабство. Он не знает, может ли пролетариат дать ему порядок. С него, забытого, темного, распыленного, и спрашивать нельзя большего. Он не поверит никаким словам, никаким программам. И хорошо сделает, что не поверит словам, потому что иначе не было бы выхода из обманов. Он поверит только делу, практическому опыту. Докажите ему, что вы, объединенный пролетариат, пролетарская государственная власть, пролетарская диктатура, умеете разделить хлеб и уголь так, что бы спасти каждый пуд хлеба и каждый пуд угля, добиться того, что бы излишек каждого пуда хлеба и каждого пуда угля не шел бы в спекулятивную продажу, не служил бы героям сухаревки, а служил бы для справедливого распределения, для снабжения голодных работников, для поддержки их даже в такие моменты, как во время безработицы, когда встают заводы, фабрики. Докажите это. Вот основная задача «пролетарской культуры», пролетарской организации. Насилие можно применить, не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применить насилие, опираясь на передовой класс, на более высокие принципы социалистического строя, порядка и организации. *И тогда оно может временно потерпеть неудачу, но оно не победило.*

Если пролетарская организация покажет крестьянину, что порядок правилен, распределение труда и хлеба правильно, забота о каждом пуде хлеба и угля осуществлена, что мы, как рабочие, своей товарищеской, союзной дисциплиной можем это осуществить, что насилием мы боремся только отстаивая интересы труда, беря хлеб у спекулянта, а не у труженника, и что мы идем на соглашение с середняком крестьянином, крестьянином труженником, что мы готовы ему дать все, что мы можем дать сейчас,—если крестьянин увидит это,—то его союз с рабочим классом, его союз с пролетариатом будет ненарушим,—к этому мы и идем.

Я немного отвлекся, однако, от своей темы и должен вернуться к ней. Теперь во всех странах слово «большевик» и слово «совет» перестало быть чудаческим выражением, каким было недавно, вроде слова «боксер», которое мы повторяли, не понимая. Слово большевик и слово совет повторяется теперь на всех языках мира. Сознательные рабочие видят, как буржуазия всех стран каждый день в миллионах экземпляров их газет поливает клеветой Советскую власть,—они учатся из этой брани. Я недавно читал некоторые американские газеты. Я видел речь одного американского попа, который говорил, что большевики безнравственные люди, что они вводят национализацию женщин, что это разбойники, грабители. И я видел ответ американских социалистов: они распространяют по 5 центов конституцию Советской

Республики России, этой «диктатуры», не дающей «равенства трудовой демократии». Они отвечают, цитируя один параграф из этой конституции этих узурпаторов, разбойников, насильников, нарушающих единство трудовой демократии. Между прочим, когда приветствовали Брежневскую, — крупнейшая капиталистическая газета Нью-Йорка печатала аршинными буквами в день приезда Брежневской: «Добро пожаловать, бабушка». Американские социалисты перепечатали это и говорили: «она за политическую демократию, — удивляться ли вам, американские рабочие, что ее хвалят капиталисты?» Она за политическую демократию. Почему они должны ее хвалить? Потому что она против Советской конституции. А вот вам, говорят американские социалисты, один параграф из конституции этих разбойников. Они цитируют всегда один и тот же параграф, который говорит: «Не может избирать и не имеет право быть избранным тот, кто эксплуатирует чужой труд». Этот параграф нашей конституции знают во всем мире. Советская власть именно благодаря тому, что она открыто сказала, что диктатуре пролетариата подчиняется все, что она есть новый тип государственной организации, именно этим она завоевала себе сочувствие рабочих всего мира. Эта новая организация государства рождается с величайшим трудом, потому что победить свою дезорганизаторскую, мелко-буржуазную распущенность — это самое трудное, это в миллион раз труднее, чем подавить насильника помещика, или насильника капиталиста, но это в миллион раз пледетворнее для создания новой организации, свободной от эксплуатации. Когда пролетарская организация разрешит эту задачу, тогда социализм окончательно победит. Этому надо посвятить всю свою деятельность и внешкольного и школьного образования. Несмотря на несбычайно тяжелые условия, на то, что социалистический переворот впервые в мире происходит в стране с таким низким уровнем культуры, несмотря на это Советская власть уже добила признания рабочих других стран. Слово «диктатура пролетариата» — слово латинское, и всякий трудящийся человек, который его слышал, не понимал, что это такое, не понимал, как это осуществляется в жизни. Теперь это слово переведено с латинского на народные современные языки, теперь мы показали, что диктатура пролетариата есть Советская власть, та власть, когда организуются рабочие сами и говорят: «Наша организация выше всего; ни один не трудящийся, ни один эксплуататор не имеют права участвовать в этой организации. Эта организация вся направлена к одной цели, — к ниспровержению капитализма. Никакими фальшивыми лозунгами, никакими фетишами, вроде «свободы», «равенства», нас не обманешь. Мы не признаем ни свободы, ни равенства, ни трудовой демократии, если они противоречат интересам освобождения труда от гнета капитала». Это мы внесли в Советскую конституцию и привлекли к ней уже симпатии рабочих всего мира. Они знают, что как бы трудно ни рождался новый порядок, какие бы тяжелые испытания и даже поражения ни пали на долю отдельных Советских республик, никакая сила в мире назад человечество не вернет. (Шумные аплодисменты).

Президиум 1-го Всероссийского Съезда по Внешкольному Образованию.

201121963